

ЭДИКТ ГАЛЕРИЯ 311 ГОДА — ПЕРВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ХРИСТИАНСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

(К 1710-летию Миланского эдикта)

Павел Владимирович Кузенков

Кандидат исторических наук, доцент;

Севастопольский государственный университет (Россия)

pk407@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_1_5_115

Аннотация. Знаменитый Миланский эдикт 313 года с древних времен считается вехой, отделяющей эпоху гонений на христианство от эпохи торжества этой религии, которая со времен св. Константина Великого занимает господствующее положение в Римской империи. Однако такая схема является очевидным упрощением, удобным лишь для справочников и общих курсов, но не для глубокого исторического анализа процесса христианизации Римского государства и общества. С формальной точки зрения первым официальным актом, который легализовал христианство и ввел его в публичное правовое поле империи, стал эдикт Галерия 311 года. В данной статье приводится его новый перевод в сопровождении комментария, а также латинского и греческого текста.

Ключевые слова: Миланский эдикт, гонения, Константин Великий, легализация христианства.

Для цитирования: Кузенков П. В. Эдикт Галерия 311 года — первый юридический акт о легализации христианства в Римской империи (К 1710-летию Миланского эдикта) // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2023. № 1 (5). С. 115–132. DOI: 10.55398/27826066_2023_1_5_115

THE EDICT OF GALERIUS OF 311 AS THE FIRST LEGAL ACT ON THE LEGALIZATION OF CHRISTIANITY IN THE ROMAN EMPIRE (FOR THE 1710TH ANNIVERSARY OF THE EDICT OF MILAN)

Pavel Vladimirovich Kuzenkov

PhD in History, Associate Professor;

Sevastopol State University (Russia)

pk407@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_1_5_115

Abstract. Since ancient times the famous Milan Edict of 313 has been considered a milestone separating the era of persecution of Christianity from the era of the triumph of this religion, which since the time of St Constantine the Great occupied a dominant position in the Roman Empire. However, such a scheme is an obvious simplification, convenient only for reference books and general courses, but not for a deep historical analysis of the process of Christianization of the Roman state and society. From a formal point of view, the first official act that legalized Christianity and introduced it into the public legal field of the Empire was the edict of Galerius (311). This article provides a new translation of it, accompanied by a commentary, as well as by its Latin and Greek texts.

Keywords: Edict of Milan, persecutions, Constantine the Great, legalization of Christianity.

For citation: *Kuzenkov P. V.* The Edict of Galerius of 311 as the first legal act on the legalization of Christianity in the Roman Empire (For the 1710th anniversary of the Edict of Milan) // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2023. No 1 (5). Pp.115–132. DOI: 10.55398/27826066_2023_1_5_115

Сам Господь Иисус Христос предупредил Своих учеников и верных последователей, что они будут подвергаться гонениям со стороны отпавшего от Бога мира (см. Мф. 24, 9; 26, 28; Ин. 15, 20–21 и др.). Первые гонения, жертвой которых стал и Сам Сын Человеческий, были развязаны со стороны иудейской религиозной верхушки, использовавшей римский репрессивный аппарат в своих целях. Само Римское государство, уяснив символический, а не повстанческий смысл того Царства, о котором говорил Христос, довольно долго не проявляло враждебности к христианскому учению, хотя и видело в иудео-христианских спорах опасный источник социальной напряженности [Suetonius. Claud. 25.4]. Лишь после решительного разделения с иудаизмом (время и обстоятельства этого разрыва служат предметом исследований) христиане потеряли статус адептов традиционной и на этом основании признаваемой законной иудейской религии. Римские власти крайне подозрительно относились к любым публичным собраниям, и потому неудивительно, что христианство, с его невероятно разветвленной и эффективной системой внутренней самоорганизации и невиданной для других учений миссионерской активностью, быстро оказалось под запретом. Когда и при каких обстоятельствах христианство было официально признано «незаконной религией» (*religio illicita*), точно не известно; Тертуллиан был уверен, что все гонения основываются на законе Нерона [Tertull. Ad nat. I. 7; Тертуллиан 1994: 44]. Так или иначе, в начале II в. христиане уже рассматривались в качестве опасных государственных преступников, подлежащих казни не за какие-либо деяния, а только за свои убеждения [Plin. Jun. Ep. X 96–97; Плиний Младший 1982: 205–206]. По сути дела это был пример массового уголовного преследования за *инакомыслие*.

Впрочем, с точки зрения самих римских властей христиане наказывались вовсе не как интеллектуальные диссиденты, а в первую очередь как разрушители общественной нравственности и подрыватели самих устоев государства. Это было тем более удивительно, что на личном уровне христиане отличались добрыми нравами и законопослушностью, а на публичном церковные лидеры всегда подчеркивали свою лояльность к «властям предержащим», установленным от Бога для защиты добрых и наказания злых (см. 1 Пет. 2, 13–17; Рим. 13, 1–7). Лишь в одном пункте убеждения последователей Христа вступали в непримиримое противоречие с римскими порядками: они никак не могли принять императорского культа,

категорически не приемля воздавание божественных почестей смертному человеку. Однако именно этот пункт и был критически важным.

Римская политическая система эпохи принципата, *de facto* превратившись в монархию, не стала, однако, простым вариантом классического царства. Разгромив республиканцев и Марка Антония, Юлий Цезарь Октавиан сосредоточил в своих руках неограниченную власть, однако уклонился от принятия диктатуры и тем более царского титула, ненавистного римлянами со времен Тарквиниев. *Res publica Romanorum* оставалась «общенародным делом римлян», сохранила и сенат, и выборные магистратуры. Сам Октавиан (с 27 г. до Р.Х. именовавшийся Августом) одиннадцать раз подряд занимал пост консула (официального главы государства), но затем сложил с себя все официальные должности, оставив за собой лишь военное командование, старшинство в сенате (*principatus*), полномочия народного трибуна и должность верховного понтифика (*pontifex maximus*) — главного жреца империи. Последняя была особенно важной как в силу глубокой религиозности древнеримского общества, так и с точки зрения той уникальной роли, которую решил играть в нем Август. Опираясь на свой новый эпитет *Augustus* (обычно применявшийся к местам поклонения и иным святыням), свое мифическое родословие и статус великого понтифика, первый римский принцепс явил себя не просто могущественным правителем, но сакральным вождем, своего рода посредником между миром богов и миром людей. Последующие императоры восприняли эту роль вместе с именами Цезаря и Августа: сперва неформально, а с Веспасиана — на основе закона 70 г., который фактически вывел принцепса за рамки законов, поставив его над ними [Lee 2016: 66; Tuori 2016: 169]. Но и после этого политические полномочия римских цезарей оставались второстепенными по сравнению с их сакральным авторитетом. Они были не столько главами государства, сколько божественно осененными «отцами народа», которых в случае успешного правления ожидало торжественное причисление к сонму «божественных» (*divi*), а по-гречески так и прямо «богов» (*θεοί*). На божественности Августа, сына Цезаря («бога, сына бога»), а также лучших из его преемников держались устои государства, и в этой перспективе христиане выглядели в высшей степени «социально опасным элементом». Это объясняет, почему самые жестокие гонения устраивали именно те императоры, которые всерьез пытались навести порядок в разъедаемом внешними и внутренними кризисами государстве.

Разные императоры преследовали христиан с разной степенью строгости [Храпов 2006: 52–64]. Одни, как Траян, запрещали разыскивать адептов запрещенной религии и принимать анонимные доносы. Другие, как Деций, напротив, пытались искоренить опасное для государства «безбожное» (то есть отказывающееся почитать языческих богов) учение, успевшее проникнуть во все слои общества. Третьи, как Галлиен, не просто оставляли христиан в покое, но даже испытывали к ним открытые симпатии (а Филипп Араб даже считался тайным христианином).

Еще в конце II в. Тертуллиан не сомневался, что императоры давно бы уже приняли христианство, если бы «цезари не были неразрывно связаны с миром (*necessarii saeculo*) и если бы христиане могли быть цезарями» [Terull. *Apologetic.* 21. 24; Tertullianus 1954: 127]. С нашей точки зрения, именно трансформация псевдореспубликанского принципата в доминат, который был гораздо ближе традиционной монархической модели, создала условия для примирения империи с христианством. Императоры-государь (*domini*) конца III — начала IV в. были уже настолько полновластны, что, с одной стороны, уже не нуждались в опоре на архаичную римскую религиозную традицию, а с другой — могли единолично определять тот «опорный» культ, который считали оптимальным для государства. А в этом отношении христианство, как религия монотеистическая и универсалистская, не имело себе равных.

Однако начался доминат с нового витка гонений. Сначала «восстановитель вселенной» Аврелиан (270–275), а затем Диоклетиан (284–305), один из наиболее успешных и деятельных императоров в истории, выступили противниками христианства, которое за относительно спокойные предшествовавшие десятилетия широко распространилось во всех сферах жизни империи [Храпов 2006: 64–66]. В 303 г. было развернуто самое суровое и систематическое «великое гонение», жертвами которого стали многие тысячи христианских мучеников. Инициатором этого гонения называли одного из младших членов правящей тетрархии, цезаря Максимиана Галерия, который в мае 305 г. сам стал августом Востока вместо ушедшего на покой Диоклетиана [Маяк 2005: 313]. Другие императоры (число которых в империи в какой-то момент доходило до шести) в своих владениях исполняли указы о преследовании христиан с разной степенью усердия: Максимин Даза в Египте и Сирии действовал безжалостно, Максенций в Италии и Констанций Хлор, а затем его сын Константин

в Британии и Галлии от активных гонений воздерживались. Константин, с 306 г. вступивший в борьбу за власть на Западе, до этого почти 15 лет жил и учился в Никомидии, где было много христиан (что и стало одной из причин гонения), а потому был как никто другой знаком с этой религией. Однако до 312 г. нет никаких подтвержденных источниками сведений о том, что Константин открыто симпатизировал христианству [Казаков 2002: 127–128; Попов 2014: 671–672]. Как это ни удивительно, но не будущий святой равноапостольный Константин Великий, а самый злобный гонитель христиан Галерий стал первым римским императором, который официально легализовал христианство и прямо предписал христианам молиться за него чтимому ими Богу. Причина была достаточно банальна: Галерий смертельно заболел и желал заручиться молитвенной поддержкой всех подданных, включая христиан. Однако очевидно, что одного этого было недостаточно для такого крутого разворота государственной политики; более того, при желании можно было бы и саму болезнь истолковать как гнев богов на «нечестивых» христиан — и усилить гонения. Поэтому у нас есть все основания утверждать, что именно опыт Великого гонения, точнее, мужественное поведение мучеников и исповедников Церкви Христовой стали тем решающим доказательством (греческое слово *μάρτυς* «мученик» буквально значит «свидетель в судебном процессе»), которое убедило самого Галерия в силе новой религии. Вера в буквальном смысле слова победила насилие в самой неодолимой его форме — легализованного социального принуждения. Торжество христианства не символически, а фактически было обеспечено кровью мучеников.

В 311 г. Галерий, как старший в правящей тетрархии, инициировал эдикт, согласно которому гонение полностью прекращалось, а христиане получали право открыто исповедовать свою религию и проводить молитвенные собрания. Правда, это было обставлено требованием соблюдать общественный порядок и некие предписания, точный характер которых не вполне ясен. Но это была именно легализация христианства, и нет никаких сомнений, что именно эдикт Галерия прекратил Великое гонение.

Все остальные августы подчинились указу, даже Максимиан Даза, известный своими лютыми гонениями. Последний, впрочем, считал нужным издать в 312 г., уже после смерти Галерия, свой собственный указ, в котором легализация христиан трактовалась как более эффективная форма их возвращения к «древнему благочестию». Из этого текста видно, что

раскрученный на полную мощность маховик антихристианской истерии в восточных провинциях продолжал вращаться уже на муниципальном уровне. Требовалось намного более решительное действие верховной власти, которое поставило бы точку в этом вопросе.

И такое действие было предпринято в 313 г. К этому времени один из императоров, Константин, уже открыто заявил о своих симпатиях к христианству. Под знаменами этой новой религии Константин в 312 г. победил своего соперника Максенция, завоевав Рим — древнюю столицу и символ империи. Владения Константина включили почти весь латиноязычный Запад, от Британии до границ Иллирика. Однако в эту эпоху не на Западе, а на богатом и густонаселенном Востоке находился реальный центр могущества Римской империи. А власть на Востоке оспаривали друг у друга наследник и сослуживец Галерия Лициний и ставленник и племянник того же Галерия Максимин. Константин заключил военный и династический союз с Лицинием, который прибыл в Медиолан, чтобы вступить в брак с Констанцией, сестрой Константина. На этой встрече августы согласовали документ, получивший в истории название Миланского эдикта. В нем ясно провозглашалась политика свободы религиозных убеждений, а христиане получали право на возвращение изъятой у них во время гонений церковной недвижимости. Данный эдикт был особенно важен не столько для Запада, где и во время Великого гонения против христиан не было массовых репрессий, сколько для Востока, особенно для Никомидии, где находилась резиденция Диоклетиана и Галерия и где гонение свирепствовало с особой силой. И именно в Никомидии Лициний и издал этот эдикт 13 июня 313 г.¹

Впоследствии именно Миланский эдикт стал восприниматься как веха, отделившая эпоху гонений от эпохи торжества христианства, однако с исторической и юридической точки зрения христианство было легализовано именно эдиктом Галерия 311 г. Все последующие вспышки преследований христиан, и в IV в., и даже в XX в., протекали в форме либо частичных ограничений, либо политических репрессий. Никогда в истории христианство как религия более не подвергалось запрету.

Ниже приводится перевод эдикта 311 г. с комментарием, с приложением латинского оригинала (из сочинения Лактанция «О смертях гонителей») и греческой версии (из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского).

¹ Характерно, что западная версия данного акта, изданная Константином, до нас не дошла, и есть сомнения в том, существовала ли она вообще.

В основу перевода положен латинский текст, приведенный у Лактанция. Добавления и исправления указаны в квадратных скобках []; явные вставки, имеющиеся в греческой версии, заключены в угловые скобки <>.

Эдикт Галерия и его соправителей от 30 апреля 311 года

(1) Император Цезарь Галерий Валерий Максимиан, [благочестивый, счастливый]², непобедимый Август, великий³ понтифик, величайший Германский [шестикратно], <величайший Египетский, величайший Фиваидский>⁴, величайший Сарматский пятикратно, величайший Персидский двукратно, [величайший Британский двукратно], величайший Карпский, величайший Армянский, величайший Мидийский, величайший Адиабенский, с трибунской властью [19] раз, император [20] раз, консул 8 раз, отец отечества, проконсул; [и император Цезарь Валерий Галерий Максимин, благочестивый, счастливый, непобедимый Август... (2) и император Цезарь Флавий Валерий Константин, благочестивый, счастливый, непобедимый Август, великий понтифик, с трибунской властью [6 раз], император [5 раз], консул, отец отечества, проконсул; (3) и император Цезарь Валерий Лициниан Лициний, благочестивый, счастливый, непобедимый Август, великий понтифик, с трибунской властью 4 раза, император 3 раза, консул, отец отечества, проконсул, — своим провинциалам [желаем] здравствовать⁵.

(4) Среди прочих постановлений наших на благо и пользу государства пожелали мы прежде исправить все дела римлян согласно с древними законами и общественной дисциплиной и позаботиться о том, дабы и христиане, которые оставили учение собственных родителей, пришли бы к здравомыслию. Поскольку по какой-то причине этих христиан обуюло такое своеволие и охватило такое неразумие, что они не следуют тем установлениям древних, которые прежде установили, быть может, сами их родители, но по своему усмотрению и как им захочется сами себе создавали законы, чтобы соблюдать их, и в разных местах стали собирать разные народы.

² Конъектуры в интитуляции даны по О. Зееку (Seeck 1893: 196–207).

³ Дословно — величайший (maximus / μέγιστος).

⁴ По Зееку, вставлено Евсевием на основании его Хроники (Seeck 1893: 206).

⁵ Добавление по спискам АТЕР. В издании 1999 г. изъято из текста и опущено в примечание.

(5) И вот, когда вышло такого рода наше повеление, дабы они вернулись к установлениям предков, многие под угрозой покорились, а многие были и лишены [жизни] <различными способами>⁶. (6) Но поскольку многие упорно держатся за свое <безумие>⁷, и мы видели, что они ни богам <небесным>⁸ не воздают подобающего культа и почитания, ни к Богу христиан не обращаются, мы, учитывая наше снисходительнейшее милосердие и неизменную привычку даровать всем людям прощение, решили незамедлительно распространить и на них наше снисхождение, дабы они снова были христианами и составляли свои собрания так, чтобы не совершать ничего против порядка; в другом послании судьям мы разъясним, что они обязаны соблюдать.

(7) Посему, в соответствии с этим дозволением, они должны будут молиться своему Богу о здравии как нашем и государства, так и своем собственном, дабы и государство ни в каком отношении не терпело вреда, и они могли спокойно жить на своих местах.

В Никомидии, канун майских календ (= 30 апреля), в консулат самого [Галерия] 8-й и Максимиана 2-й (= 311 г.)⁹.

Комментарии

Документ имеет форму императорского циркулярного послания «провинциалам» (губернаторам провинций). Лактанций называет его эдиктом, изданным в Никомидии 30 апреля [Lact. De mort. persec. 33.11, 35.1]. С юридической точки зрения эдикт представляет собой общеправовой акт и имеет силу государственного закона [Цомић 2013: 360].

(1–3). Интитуляция у Лактанция опущена. У Евсевия в ряде рукописей опущено имя Лициния. С 310 г. в империи официально было четыре императора-августа: Галерий и Максимиан Даза на Востоке, Лициний и Константин на Западе (Максенций, владевший Италией, и Домиций Александр в Северной Африке считались узурпаторами). Таким образом, в оригинале эдикта должно было стоять и имя Максимиана, тем более что

⁶ Добавление в скобках есть только в греческой версии у Евсевия.

⁷ Добавление в греческой версии.

⁸ Добавление в греческой версии.

⁹ Дата и место указаны у Лактанция: Lact. De mort. persec. 35. 1.

он в 311 г. был консулом (совместно с Галерием). Его отсутствие даже заставило Р. Гранта выдвинуть смелую гипотезу о том, что первое имя следует читать «Максимин» и что эдикт издан им после смерти Галерия, в декабре 311 г. [Grant 1975: 417]. Но такое предположение противоречит как всему комплексу источников, так и формульным особенностям титула. Очевидно, имя Максимиана Дазы было стерто в документе в порядке *damnatio memoriae*, которой он подвергся после своей смерти в 313 г.: вымарывание его имени известно по эпитафике [Seeck 1893: 199].

Военные триумфы Галерия, а также годы трибунских и императорских полномочий перечислены в греческой версии с явными ошибками, которые скрупулезно исправляет О. Зеек. В частности, в число побежденных народов включены Египет и Фиваида, хотя подавление мятежа в провинциях никогда не считалось поводом для императорского триумфа [Seeck 1893: 206].

(4) Текст начинается с упоминания эдиктов, инициировавших Великое гонение.

Общественная дисциплина (*disciplina publica* / ἡ δημοσία ἐπιστήμη) — ключевое понятие римской политической культуры. Подразумевает поддержание общественного порядка на основе внутренних убеждений граждан, сформированных в процессе воспитания и обучения (именно благодаря римлянам слово *disciplina* «обучение» получило значение «порядок»). Дисциплина (самообладание, социально ответственное поведение) считалась одной из важнейших добродетелей римского гражданина.

«Родительское» учение, которое «оставили» христиане, определяется как «секта» (лат. *secta*, от глагола *sequor* «следую»). Так именовались последователи какого-либо учения, философского или религиозного. Греческий аналог — термин αἵρεσις (от αἰρέω «избираю, принимаю») — породил впоследствии слово «ересь». Следует учитывать, что слова «секта» и «ересь» в языческой Античности не имели того уничижительного характера, который они приобретут в христианскую эпоху. Так, в данном случае «секта» противопоставляется христианству как некая уважаемая и древняя традиция. Но едва ли этим термином могла быть обозначена официальная греко-римская «олимпийская» религия. Более вероятно, что речь идет об иудаизме (см. далее).

Поведение христиан расценивается как «своеволие» (*voluntas*) и «неразумие» (*stultitia*), что отражает представление язычников о характере

христианской веры: с одной стороны, как о личном убеждении, противопоставляемом общественной религии (ср. Ин. 17, 14–16 о «мире»), а с другой — как о глупом суеверии, не имеющем рационального обоснования (ср. 1 Кор. 1, 23). В греческой версии у Евсевия вместо двух слов стоит одно: «чрезмерность» (πλεονεξία). Главным преступлением христиан считается то, что они отступили от «установлений древних» (veterum instituta / τὰ ὑπὸ τῶν πάλαι καταδειχθέντα), причем таких, которые, «возможно» (forsitan / ἴσως), установили (constituerant / ἤσαν καταστήσαντες) их собственные предки. Вместо этого они составили свои собственные законы и «стали собирать разные народы (populos / πλήθη)».

Последняя фраза сложна для понимания. Выражение «per diversa» может быть понято и как «на основе противного образа мыслей» (ср. контекст у Тацита: «исходя из противных оснований» [Дворецкий 1976: 342]). Такое понимание отражено в переводе В. М. Тюленева: «и объединили неразумим своим различные народы» [Лактанций 1998: 212]. Мы присоединяемся к переводу А. Штеделе, который, вслед за греческим, видит здесь эллипсис слова «место» (per diversa [loca] / ἐν διαφόροις [τόποις]) [Laktanz 2003: 183].

Греческая версия трактует «народы» как «толпы народа», очевидно понимая под этим церковные собрания, вызывавшие подозрения властей. Так понимает это место и А. Штеделе [Laktanz 2003: 182. Anm. 119]. Но если мы примем тезис о том, что Галерий, противопоставляя христианам их «предков», имеет в виду иудеев, то становится ясной и эта мысль: в отличие от иудаизма, который ограничивается одним местом поклонения и одним «избранным народом», христианство распространилось по разным странам и включило в себя различные народы. Именно этот универсализм новой религии выглядел в глазах императоров крайне опасным: ведь он бросал вызов единственной общеимперской религии той эпохи — императорскому культу.

Наречие «возможно» оговаривает в этом случае тот факт, что не все христиане были бывшими иудеями. Но и те, кто происходил из язычников, также были виновные в отступлении от отеческих обычаев.

(5) Очевидно, что императорский приказ о возвращении христиан к «установлениям древних» (veterum instituta / τὰ ὑπὸ τῶν ἀρχαίων κατασταθέντα) имел в виду отнюдь не иудаизм, а традиционную греко-римскую религию.

Выражение periculo subjugati sunt трудно понять иначе, чем «покорились под угрозой»; глагол subjugo, буквально означающий «прогонять

под ярмом» (древняя процедура порабощения), имеет значение «покорять, подчинять, порабощать» [Дворецкий 1976: 964]. Тем не менее А. Штеделе находит возможным перевести это место как «Prozessen unterworfen» («подверглись судебному преследованию») [Laktanz 2003: 183] — возможно, под влиянием греческой версии κινδύνῳ ὑποβλήθέντες (что можно перевести и как «подвергшись опасности», и как «покорившись угрозе»).

Перфект *deturbati sunt* образован от глагола *deturbo* с широким спектром значений: «низвергать, сбрасывать; ломать, сносить; отрубать голову; выбивать, сгонять, прогонять; лишать имущества» [Дворецкий 1976: 319]. Греческая версия дает вместо перевода развернутую трактовку: *ταραχθέντες παντοίου θανάτου ὑλέφερον* («приведенные в замешательство, подверглись всевозможным казням»). В отличие от нее, немецкий перевод А. Штеделе склоняется к «мягкому» варианту: *aus ihrem Besitz vertrieben* («лишены имущества») [Laktanz 2003: 183]. М. Шукунда переводит «прогнани» («сосланы») [Шукунда 2017: 138]. Однако противопоставительная частица *etiam* не позволяет, на наш взгляд, сомневаться, что речь идет о крайней форме наказания — смертной казни через обезглавливание. Галерий явно возмущен и раздражен упорством христиан.

(6) В чтении первого слова следуем конъектуре Томаса Гейла (1636–1702): *atqui* «но поскольку». Почитание языческих богов описывается через *gentiadic cultus ac religio* (в греческой версии *θηρησκεία*), который соединяет внешнюю («культ») и внутреннюю («религиозность») составляющие языческой традиции. Отношение же христиан к Богу описывается глаголом *observo* «следить; соблюдать, блюсти; уважать, почитать, чтить» (в греческой версии *προσάγω* «приводить; приносить (жертвы)»).

«Милосердие» (*clementia*), в греческом варианте «человеколюбие» (*φιλανθρωπία*), — в античной традиции одна из важнейших добродетелей правителя. Таким образом, Галерий объясняет свое поистине революционное решение снисхождением к упорству христиан. Он признаёт, что именно стойкое сопротивление мучеников и исповедников поставило его перед выбором: ужесточить казни и репрессии — и войти в историю в одной компании с безумными тиранами, безжалостно порицаемыми всей античной традицией, или сдаться, изобразив великодушное милосердие. Смертельно больной император избирает последнее.

Фраза «дабы они снова были христианами» — **ut denuo sint Chrsitiani** — включает в себе громадное историческое значение. Впервые истории римский император *повелевает* христианам «быть» и «составлять свои собрания». Отныне христианство окончательно и бесповоротно **обретает легальный статус**. И пускай церковные собрания обозначены снисходительным словечком *conventicula*, и пускай это решение обставлено формальным условием «ничего не совершать против общественного порядка (*disciplinam*)», а также некими обязательствами, которые только предстоит определить, — все это лишь попытки Галерия «делать хорошую мину при плохой игре».

Право совершать собрания означает официальное введение церковных общин в гражданско-правовое поле Римской империи. В связи с этим вставал вопрос о зданиях и иной собственности, конфискованной у христиан в эпоху гонений, — вопрос, который найдет свое непростое решение уже в Миланском эдикте 313 г. Тогда же христианам будет дано право на проповедь и миссионерскую деятельность, что эдиктом Галерия не предусматривается: «быть христианами» разрешено «снова» (*denuo*), то есть только тем, кто ими уже был. Здесь тоже можно увидеть аналогию с иудеями, которые в империи не преследовались, но права на распространение своей религии были лишены.

Что за условия собирался Галерий сделать обязательными для соблюдения христианами, так и осталось неизвестным. Обещанное в эдикте послание «судьям» (т. е. наместникам провинций) едва ли было разослано, так как не прошло и месяца, как император Галерий Валерий Максимиан скончался, — в мае 311 г. по дороге из Никомидии в родную Ромулиану (совр. Гамзиград в Сербии) [Seeck 1964: 159].

(7) Финальная часть эдикта прекрасно отражает сугубо прагматичное понимание религии в римской традиции. Задача любого культа — обращать молитвы к высшим силам с целью получить личное и общественное благополучие. Удивительно здесь то, что вчерашний злобный гонитель Галерий здесь открыто и, похоже, совершенно искренне допускает, что молитвы *христиан* способны обеспечить и его личное здоровье, и «здравие» (*salus*) возглавляемого им государства, традиционно обозначаемого как *res publica* (по-гречески *τὰ δημόσια*). А благополучие государства, в свою очередь, преподносится как условие того, чтобы самим христианам «спокойно жить» (*securi vivere*) «на своих местах».

Заключение

В год юбилея Миланского эдикта 313 г. представляется особенно важным обратить особое внимание на его предшественника — эдикт Галерия 311 г., который с гораздо большим правом может считаться рубежным в истории христианства.

Римская империя официально признала свое поражение в многовековой войне с Церковью Христовой, превратившейся из крохотной общины в могучую и разветвленную организацию, сломить которую не удалось даже репрессивной машине Рима, — возможно, самой совершенной в истории человечества.

Христианские мученики и исповедники кровью и подвигами своими обеспечили торжество своей веры и доказали непреходящую истину слов Господа Иисуса Христа о созданной Им Церкви: *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

Приложение

Эдикт Галерия (латинский и греческий текст)

Lact. De mort. 34 [Laktanz 2003: 180–182]	Euseb. Hist. eccl. VIII 17 [cf. Eusebius 1999: 790–793]
[Imp. Caesar Galerius Valerius Maximianus pius felix invictus Augustus, pontifex maximus, Germanicus maximus VI, Sarmaticus maximus V, Persicus maximus II, Britannicus maximus II, Carpicus maximus, Armenicus maximus, Medicus maximus, Adiabenicus maximus, tribunicia potestate XIX, imperator XX, consul VIII, pater patriae, proconsul; et Imp. Caesar Galerius Valerius Maximinus pius felix invictus Augustus [...];	(3) Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Γαλέριος Οὐαλέριος Μαξιμιανὸς [εὐσεβῆς εὐτυχῆς] ἀνίκητος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, Γερμανικὸς μέγιστος [ἑξάκις], <Αἰγυπτιακὸς μέγιστος, Θηβαϊκὸς μέγιστος>, Σαρματικὸς μέγιστος πεντάκις, Περσῶν μέγιστος δῖς, [Βρεττανῶν μέγιστος δῖς], Κάρπων μέγιστος <ἑξάκις>, Ἀρμενίων μέγιστος, Μήδων μέγιστος, Ἀδιαβηνῶν μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ <εἰκοστόν> [ἔννεακαιδέκατον], αὐτοκράτωρ τὸ <ἔννεακαιδέκατον> [εἰκοστόν], ὑπατος τὸ ὄγδοον, πατὴρ πατρίδος, ἀνθύπατος. [...]

et Imp. Caesar Flavius Valerius Constantinus pius felix invictus Augustus, pontifex maximus, tribunicia potestate VI, imperator V, consul, pater patriae, proconsul; et Imp. Caesar Valerius Licinianus Licinius pius felix invictus Augustus, pontifex maximus, tribunicia potestate IV, imperator III, consul, pater patriae, proconsul, provincialibus suis salutem.]	(4) καὶ Αὐτοκράτωρ Καίσαρ Φλαύιος Οὐαλέριος Κωνσταντῖνος εὐσεβῆς εὐτυχῆς ἀνίκητος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας [τὸ ἕκτον], αὐτοκράτωρ τὸ πέμπτον, ὕπατος, πατὴρ πατρίδος, ἀνθύπατος. (5) [καὶ Αὐτοκράτωρ Καίσαρ Οὐαλέριος Λικιννιανὸς Λικίνιος εὐσεβῆς εὐτυχῆς ἀνίκητος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ τέταρτον, αὐτοκράτωρ τὸ τρίτον, ὕπατος, πατὴρ πατρίδος, ἀνθύπατος,] ἐπαρχιώταις ἰδίους χαίρειν.
(1) Inter cetera, quae pro rei publicae semper commodis atque utilitate disponimus, nos quidem volueramus antehac iuxta leges veteres et publicam disciplinam Romanorum cuncta corrigere atque id providere, ut etiam Christiani, qui parentum suorum reliquerant sectam, ad bonas mentes redirent, (2) siquidem quadam ratione tanta eosdem Christianos voluntas invasisset et tanta stultitia occupasset, ut non illa veterum instituta sequerentur, quae forsitan primum parentes eorundem constituerant, sed pro arbitrio suo atque ut isdem erat libitum, ita sibimet leges facerent quas observarent, et per diversa varios populos congregarent. (3) Denique cum eiusmodi nostra iussio extitisset, ut ad veterum se instituta conferrent, multi periculo subiugati, multi etiam deturbati sunt.	(6) Μεταξὺ τῶν λοιπῶν, ἅπερ ὑπὲρ τοῦ χρησίμου καὶ λυσιτελοῦς τοῖς δημοσίοις διατυπούμεθα, ἡμεῖς μὲν βεβουλήμεθα πρότερον κατὰ τοὺς ἀρχαίους νόμους καὶ τὴν δημοσίαν ἐπιστήμην τὴν τῶν Ῥωμαίων ἅπαντα ἐπανορθώσασθαι καὶ τούτου πρόνοιαν ποιήσασθαι ἵνα καὶ οἱ Χριστιανοί, οἵτινες τῶν γονέων τῶν ἑαυτῶν καταλελοίπασιν τὴν αἴρεσιν, εἰς ἀγαθὴν πρόθεσιν ἐπανέλθοιεν. (7) ἐπεὶ περ τινὶ λογισμῶ τοσαύτη αὐτοὺς πλεονεξία κατελήφει ὡς μὴ ἔπεσθαι τοῖς ὑπὸ τῶν πάλα καταδειχθεῖσιν, ἅπερ ἴσως πρότερον καὶ οἱ γονεῖς αὐτῶν ἦσαν καταστήσαντες, ἀλλὰ κατὰ τὴν αὐτῶν πρόθεσιν καὶ ὡς ἕκαστος ἐβούλετο, οὕτως ἑαυτοῖς καὶ νόμους ποιῆσαι καὶ τούτους παραφυλάσσειν καὶ ἐν διαφοροῖς διάφορα πλήθη συνάγειν. (8) τοιγαροῦν τοιοῦτου ὕφ' ἡμῶν προστάγματος παρακολουθήσαντος ὥστε ἐπὶ τὰ ὑπὸ τῶν ἀρχαίων κατασταθέντα ἑαυτοὺς μεταστήσαιεν, πλεῖστοι μὲν κινδύνῳ ὑποβληθέντες, πλεῖστοι δὲ ταραχθέντες παντοίους θανάτους ὑπέφερον.

(4) Atque (atqui Gale) cum plurimi in proposito perseverarent ac videremus nec diis eosdem cultum ac religionem debitam exhibere nec Christianorum deum observare, contemplationem mitissimae nostrae clementiae intuentes et consuetudinem sempiternam, qua solemus cunctis hominibus veniam indulgere, promptissimam in his quoque indulgentiam nostram credidimus porrigendam, ut denuo sint	(9) καὶ ἐπειδὴ τῶν πολλῶν τῇ αὐτῇ ἀπονοίᾳ διαμερόντων ἐρωῶμεν μήτε τοῖς θεοῖς τοῖς ἐπουρανίοις τὴν ὀφειλομένην θρησκείαν προσάγειν αὐτοὺς μήτε τῷ τῶν Χριστιανῶν προσέχειν, ἀφορώντες εἰς τὴν ἡμετέραν φιλανθρωπίαν καὶ τὴν διηνεκῆ συνήθειαν δι' ἧς εἰώθαμεν ἅπασιν ἀνθρώποις συγγνώμην ἀπονέμειν, προθυμότατα καὶ ἐν τούτῳ τὴν συγχώρησιν τὴν ἡμετέραν ἐπεκτεῖναι δεῖν ἐνομίσαμεν, ἵνα αὐθις ὧσιν Χριστιανοὶ καὶ τοὺς οἴκους ἐν οἷς συνήγοντο συνθῶσιν οὕτως ὥστε μηδὲν ὑπεναντίον τῆς ἐπιστήμης αὐτοὺς πράττειν. δι' ἑτέρας δὲ ἐπιστολῆς τοῖς δικασταῖς δηλώσομεν τί αὐτοὺς παραφυλάξασθαι δεήσει
Chrsitiani et conventicula sua componant, ita ut ne quid contra disciplinam agant. (5) <Per> aliam autem epistolam iudicibus significaturi sumus, quid debeant observare. Unde iuxta hanc indulgentiam nostram debebunt deum suum orare pro salute nostra et rei publicae ac sua, ut undique versum res publica perstet[ur] incolumis et securi vivere in sedibus suis possint	(10) ὅθεν κατὰ ταύτην τὴν συγχώρησιν τὴν ἡμετέραν ὀφείλουσιν τὸν ἑαυτῶν θεὸν ἱκετεύειν περὶ τῆς σωτηρίας τῆς ἡμετέρας καὶ τῶν δημοσίων καὶ τῆς ἑαυτῶν, ἵνα κατὰ πάντα τρόπον καὶ τὰ δημόσια παρασχεθῇ ὑγιῆ καὶ ἀμέριμοι ζῆν ἐν τῇ ἑαυτῶν ἐστία δυνηθῶσι
[Datur Nicomediae pridie Kalendas Maias, ipso VIII et Maximino II cons.]	

Источники

Лактанций. О смертях преследователей / Пер. В. М. Тюленева. Санкт-Петербург, 1998. 280 с.

Плиний Младший. Письма. 2-е изд. Москва : Наука, 1982. 407 с.

- Eusebius*. Die Kirchengeschichte / Hrsg. v. E. Schwartz und Th. Mommsen; 2. Aufl. v. F. Winkelmann. Berlin : Akademie-Verlag, 1999. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte; Neue Folge, Bd. 6).
- Laktanz*. De mortibus persecutorum. Die Todesarten der Verfolger / Lateinisch und deutsch v. A. Städele. Turnhout : Brepols, 2003. (Fontes Christiani; Vol. 43). 270 S.
- Tertullianus*. Opera. Pars I. Turnhout : Brepols, 1956; (Corpus Christianorum, Series Latina, 1).

Литература

- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Москва, 1976. 1096 с.
- Зибаев А. В.* Причины и цели принятия Миланского эдикта // *Antiquitas Iuventae*. Саратов : ИЦ «Наука», 2011.
- Казаков М. М.* «Обращение» Константина I и Миланский эдикт // *Вопросы истории*. 2002. № 9. С. 120–135.
- Маяк И. Л.* Галерий // *Православная энциклопедия*. Т. 10. Москва, 2005. С. 312–313.
- Попов И. Н.* Константин Великий, св. // *Православная энциклопедия*. Т. 36. Москва, 2014. С. 671–719.
- Тертуллиан*. Избранные сочинения / Под ред. А. А. Столярова. Москва, 1994. 444 с.
- Храпов А. В.* Гонения на христиан в Римской империи. История // *Православная энциклопедия*. Т. 12. Москва, 2006.
- Џомић В.* Правна природа слободe вероисповести у Галеријевом и Миланском едикту // *Свети цар Константин и хришћанство*. Т. I. Ниш, 2013. С. 359–368.
- Шукунда М. Љ., презв.* Верска политика Римског Царства од 311–380. године. Београд, 2017. 373 с.
- Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.), 1982. XIX, 305 p.
- Grant R. M.* The Case against Eusebius, or, Did the Father of History write History? // *Studia Patristica*. Vol. 12. (Texte und Untersuchungen; Bd. 115). Berlin, 1975.

Seeck O. Die imperatorischen Acclamationen im vierten Jahrhundert // Rheinisches Museum für Philologie. 1893. Bd. 48.

Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n.Chr.: Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit. Stuttgart, 1964 (Nachdr.). 505 S.

Tuori K. *The Emperor of Law: The Emergence of Roman Imperial Adjudication*. Oxford; New York : Oxford University Press, 2016. (Oxford Studies in Roman Society and Law). XIII, 482 p.

References

Barnes T. D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge (Mass.), 1982. XIX, 305 p.

Džomić V. [The legal nature of freedom of religion in the Edict of Galerius and the Edict of Milan]. *Sveti tsar Konstantin i khrishћanstvo. T. I* [Holy Emperor Constantine and Christianity. Vol. I]. Nish, 2013, pp. 359–368. (In Serbian)

Grant R. M. The Case against Eusebius, or, Did the Father of History write History? *Studia Patristica*. Vol. 12. (Texte und Untersuchungen; Bd. 115). Berlin, 1975.

Kazakov M. M. [‘Conversion’ of Constantine I and the Edict of Milan]. *Voprosy istorii*, 2002, no. 9, pp. 120–135. (In Russ.)

Seeck O. Die imperatorischen Acclamationen im vierten Jahrhundert. *Rheinisches Museum für Philologie*, 1893. Bd. 48.

Seeck O. *Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n.Chr.: Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit*. Stuttgart, 1964 (Nachdr.). 505 S.

Shukunda M. Љ., *prezv. Verska politika Rimskoga Tsarstva od 311–380 godine* [Religious policy of the Roman Empire (311–380)]. Belgrade, 2017. 373 p. (In Serbian)

Tuori K. *The Emperor of Law: The Emergence of Roman Imperial Adjudication*. Oxford; New York : Oxford University Press, 2016. (Oxford Studies in Roman Society and Law). XIII, 482 p.

Zibaev A. V. [Reasons and purposes of the adoption of the Edict of Milan]. *Antiquitas Iuventae*. Saratov : Nauka Publ., 2011. (In Russ.)